

С. РАЛЛЕ — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. Кадо и Л. Р. Ланского

Селестен (Эжен) Ралле (1814—1865) около 1840 г. отправился в Россию в качестве домашнего учителя. Совместно со своим младшим братом Альфонсом он основал в Москве парфюмерную фабрику. В 1850-х годах, разбогатев и возвратившись во Францию, поселился с семьей в имении своего брата близ Гренобля, занялся политической деятельностью и в 1865 г., незадолго до смерти, был избран членом муниципального совета.

Знакомство Герцена с Ралле относится к 1840-м годам. В анонимно изданной книге друга Н. И. Сазонова эльзасца Ж. Ж. Пора «Un missionnaire républicain en Russie» (Р., 1852) немало говорится о Герцене, Грановском и других видных представителях московской интеллигенции 1840-х годов. Там фигурирует и преподаватель французской литературы, обозначенный инициалом *R.* Это и был Ралле (см.: XXIV, 314; XXV, 23; «Лит. наследство», т. 58, с. 694—696, 699—700; сб. «Проблемы изучения Герцена». М., 1963, с. 501—503; Michel Cadot. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839—1856. Р., 1967, р. 146—149; ААН, 334—336).

Письмо печатается по фотокопии с автографа Archives municipales d'Isère et Dauphinée (Франция). Впервые опубликовано на языке оригинала (с большой купюрой) М. Кадо в «Revue de la Littérature Comparée» (1970, N 1, р. 96) и затем в ААН, р. 333—336. Текст о смерти Николая I, выявленный при сверке с фотокопией письма, публикуется впервые Л. Р. Ланским.

Перевод с французского:

〈Бивье близ Гренобля. Конец апреля — начало мая 1865 г.〉

Дорогой господин Герцен,

Вот уже неделя, как я возвратился в Гренобль; тщетно разыскиваю я в навале, в хаосе бумаг заметку, о которой говорил вам, — касательно смерти императора Николая. Из-за ее отсутствия или в ее ожидании, ибо я надеюсь еще разыскать ее, посылаю вам подробности, которые по этому поводу мне доставляет память, — передайте их г. Долгорукову² и обратите особенное его внимание на возможность подтверждения их и умножения путем осторожных расспросов г. Имбера³, если он еще живет в окрестностях Петербурга или же во Франции, если туда возвратился. Не сомневаюсь, что адрес его можно получить у дворецкого нынешнего императора или же у главных содержателей петербургских ресторанов — Леграна, Сен-Жоржа и других; даже французское консульство могло бы помочь разыскать его и установить, подтвердить столь важный исторический факт, столь драгоценный результат 30-летнего царствования. Прибавлю, что первые слухи об этих обстоятельствах дошли до меня от первых слушателей г. Имбера (г. Дюлу, г-жи Минангуа, г-жи Жордан, у которых г. Имбер обедал); из них первые живут в Париже, а последняя в Москве. Адрес г. Дюлу, которого я теперь не знаю, мог бы быть получен у его брата, rue Taitbout, № 85, и его свидетельство служило бы подкреплением моего для г. Долгорукова и особенно г. Имбера, который перед лицом этих свидетелей мог бы менее упорно отрицать свои прежние рассказы, если б ему и предписан был закон молчания.

Что же касается заметок, о которых я говорил вам, относительно выпуска в обращение в 1855—56 гг. кредитных билетов, то они находятся у меня под рукой, и я готов прислать их вам в оригинале, если вы этого захотите, чтобы вы увидели, каким путем я следовал и как постепенно, от билета к билету, я дошел до наивысших «номеров» выпуска и вслед за тем установил сумму циркулирующих кредитных билетов. Вопрос этот, однако, значительно потерял свой интерес после признаний Министерства финансов в 1859 г., которое привело тогда сумму, равную той, что была отгадана или предвидена в 1856 г., еще во время войны⁴.

Теперь, когда мы вдруг оказались соседями благодаря соединяющим нас линиям железных дорог, я надеюсь, что смогу видаться с вами то здесь, то в Женеве, куда мы время от времени ездим, и поддерживать отношения, всегда для меня бывшие драгоценными. Примите же мои уверения в самых сочувственных

воспоминаниях и передайте их хоть частично вашей бедной и безутешной спутнице по столь плачевному путешествию ⁵. Нежный привет Лизе ⁶ от моих детей и от их отца, и остаюсь сердечно преданный

Э. Ралле

Бивье — близ Гренобля

На отдельном листе:

Г-н Имбер — дворецкий императора Николая; приехавший в Москву в первые месяцы 1856 г., — говорил там в присутствии нескольких человек об исключительных обстоятельствах, сопровождавших его смерть. Я выражал желание услышать этот рассказ, и вот подробности, которые мною самим услышаны из уст г. Имбера:

«Императору нездоровилось; врачи предписали очищение желудка и удалились. Г-н Мандт оставался один в комнате перед кабинетом императора; я вошел, принеся отвар, который должен был служить для этой процедуры, когда принесли предписанное из Дворцовой аптеки. Тогда я увидел, как г. Мандт подменил только что переданный ему пакет другим пакетом, извлеченным им из своего кармана, и вошел в кабинет императора. Эта явная для меня подмена, таинственная напряженность, с которой она была совершена, внушили мне подозрения, и я счел нужным пойти поделиться ими с министром императорского двора...

Несколько мгновений спустя е(го) имп(ераторской) в(ысочество) великий наследный князь поспешно вошел в кабинет императора и вышел оттуда сильно взволнованный, тотчас же приказал вызвать гр. Орлова к императору. Тотчас же прибежали, запыхавшись, принцы и принцессы, и вскоре во дворце стало известно, что императору плохо, потом — что очень плохо, потом — что он умирает, потом — что он умер. Первая моя мысль, — добавлял г. Имбер, — была, что он (Мандт) отравил императора, но обстоятельства, последовавшие за сделанным мною демаршем перед министром императорского двора, заставили меня предположить, что император приказал себя отравить» ⁷.

Г-н Имбер, после 12 или 15 лет службы при императоре Николае, купил в 1856 г. имение в окрестностях Петербурга на Ораниенбаумской дороге и мог бы, *терпеливо пораспрошенный*, дать еще более важные, более обстоятельные подробности *.

¹ Приблизительная дата письма устанавливается по упоминанию о недавней встрече Ралле с Герценом и его «бедной и безутешной спутницей» — Н. А. Тучковой-Огаревой — в Канне 10 апреля и о приезде Герцена 17 апреля в Женеву («теперь, когда мы вдруг оказались соседями...»). Нет сомнения, что письмо написано было вскоре после беседы с Герценом, которому Ралле обещал прислать интересовавшие его материалы.

* Приводим французский текст той части письма, которая оказалась пропущенной в зарубежных публикациях:

«M-r Imbert — maître d'hôtel de l'empereur Nicolas, venu à Moscou dans les premiers mois de 1856, y avait parlé devant plusieurs personnes des circonstances extraordinaires qui avaient accompagné sa mort. J'exprimais le désir d'entendre le récit, et voici les détails que je recueillis moi-même de la bouche de M. Imbert:

„L'empereur était souffrant; les médecins avaient prescrit une purgation et s'étaient retirés. M-r Mandt seul était resté dans la pièce qui précède le cabinet de l'empereur; j'entraï apportant moi-même un bouillon qui devait servir à cette médication, quand on rapporta la prescription de la Pharmacie de, la cour. Je vis alors M. Mandt substituer au paquet qui venait de lui être remis un autre paquet tiré de sa poche et entrer dans le cabinet de l'empereur. Cette substitution évidente pour moi, l'embarras mystérieux avec lequel elle était faite m'inspirèrent des soupçons et je crus devoir en aller faire part au grand Maître de la Cour...

Peu d'instantans après s (on) a(ltesse) imp(ériale) le grand duc héritier accourut dans le cabinet de l'empereur et en sortit tout ému après quelques minutes et fit appeler immédiatement le (com)te Orloff à l'empereur. Les princes, les princesses accoururent immédiatement, effarés, et bientôt on apprit dans le palais que l'empereur était mal, très mal, puis qu'il était mourant, qu'il était mort. Ma première pensée, — ajoutait M. Imbert, — était qu'il avait empoisonné l'empereur; mais les circonstances qui ont suivi la démarche faite par moi auprès de grand maître du palais m'ont fait supposer que l'empereur s'était fait empoisonner“ ⁷.

M. Imbert, après 12 ou 15 ans de service auprès de l'empereur Nicolas avait acheté en 1856 une propriété aux environs de Pétersbourg sur la route d'Oranienbaum et pourrait, *patiemment interrogé*, donner des importants détails plus circonstanciels encore».

³ Ралле сообщил Герцену во время этой встречи, что располагает данными об обстоятельствах смерти (самоубийства?) Николая I и готов предоставить их в распоряжение обличителя царской династии кн. П. В. Долгорукова (см. конец письма).

³ Личности *Имбера*, как и других упоминаемых в письме французов из Петербурга, установить не удалось.

⁴ В своей книге «*La vérité sur la Russie*» (Р., 1860) кн. П. В. Долгоруков отмечал, что в России середины 1850-х годов была сильная инфляция (количество кредитных билетов к моменту подписания Парижского договора 1856 г. вдвое превышало их наличие в 1850 г.— р. 268). Ралле предложил уточнить этот факт своими наблюдениями.

⁵ 27 марта 1865 г. Герцен и Н. А. Тучкова-Огарева похоронили в Ницце своих малолетних близнецов — Лелю-боя и Лелю-гёрл, умерших в Париже от дифтерита в декабре 1864 г. На следующий день он с убитой горем подругой переехал на три недели в Канн. О встрече с Ралле Герцен сообщил Огареву 10 апреля (XXVIII, 59). Из Канна Герцен и Тучкова-Огарева уехали в Женеву.

⁶ Дочь Герцена и Тучковой-Огаревой.

⁷ Как отмечает биограф Николая I, в Петербурге, тотчас же после смерти императора, начала ходить молва, что он отравился, и в обществе многие были очень враждебно настроены против Мандта. Он заключает: «До настоящего времени нет достаточно данных, чтобы судить, насколько все эти слухи были обоснованы» (М. П о л и е в к т о в. Николай I. М., 1918, с. 376—377).

Ф. БЮЛОЗ — ГЕРЦЕНУ

Публикация Л. Р. Л а н с к о г о

Франсуа Бюлоз (1804—1877) пользовался большой известностью как во Франции, так и за ее пределами, хотя почти ничего не писал. Имя его не забыто и теперь. Этим он обязан исключительно тому, что в течение полувека, с 1831 по 1877 г., издавал авторитетный «толстый» журнал либерального, умеренно-оппозиционного направления — «*Revue des Deux Mondes*».

Бюлоз обладал большими организаторскими способностями. Из влачившего жалкое существование журнальчика он создал общеевропейский орган с огромным для того времени тиражом и сумел привлечь к сотрудничеству литературных деятелей такого масштаба, как Бальзак, Беранже, Бодлер, Виньи, Готье, Гюго, Кинь, Ламартин, Мериме, Мюссе, Стендаль, Сент-Бёв, Жорж Санд. Из русских писателей в «*Revue des Deux Mondes*» чаще всего печатался И. С. Тургенев.

Личность Бюлоза и его деятельность удивительно напоминают издателя-редактора «Отечественных записок» А. А. Краевского, которого с полным правом можно было бы назвать «русским Бюлозом», так же как его журнал (в 1847—1867 годах) — российским «*Revue des Deux Mondes*».

Бюлоз всегда отдавал предпочтение крупным именам, уже устоявшимся репутациям, «лицам с положением». Журнал его в 1840—1860-х годах придерживался «респектабельной» позиции и сохранял некоторую независимость мнений (стараясь избегать «острых» вопросов и полемики), что очень импонировало буржуазным читателям. Публиковаться у Бюлоза считалось честью, доступной далеко не всем (даже известным) деятелям литературы и науки.

Как видно из переписки Герцена, он еще во времена своей молодости увлеченно читал «*Revue des Deux Mondes*» (см. выше мою статью «Герцен и Франция»). Постоянное обращение к этому «зеркалу современности» было характерно не только для французских интеллигентов, но и для русских, английских, немецких, американских читателей, круг интересов которых определялся политикой, экономикой, историей, литературой. Даже в конце 1860-х годов Герцен отмечал, что в каждом номере «*Revue...*» есть «очень интересные вещи» (XXVIII, 34).

Стремясь знакомить читателей своего журнала со всеми выдающимися явлениями современности, Бюлоз не упустил из виду шумного успеха английских и немецких переводов «Былого и дум» и поместил в номере от 15 июля 1854 г. под рубрикой «Литература в России» огромную статью французского переводчика этой книги И. Делава «Современный русский роман. — Александр Герцен» и в номере от 1 сентября того же года — «Годы тюрьмы и ссылки русского писателя», с обширнейшими цитатами, представлявшими собой, по словам Герцена, перепечатку «полкниги» (IX, 266; см. мой обзор иностранных отзывов о «Былом и думах» (XI, 761—762) и вступительную статью к настоящему разделу). В библиографическом отделе «*Revue des Deux Mondes*» печатались рецензии и на другие сочинения Герцена.

Автор «Былого и дум» охотно пользовался влиятельной общеевропейской трибуной, хотя политическое направление этого чисто буржуазного «респектабельного» органа не внушало ему особого уважения.